

> Пригороды Цинциннати. Огромные площади, занятые пригородами, сегодня воспринимаются как безумное расточительство. «Американская субурбия – величайшая растрата ресурсов в мировой истории» (Джеймс Канстлер, современный социолог и публицист)

Самое субурбанизированное общество мира

текст
Михаэль Дорфман

С американским пригородом, или, как здесь его называют, субурбией, встречаешься сразу при подлете к международному аэропорту им. Кеннеди. Самолет производит разворот, и раньше, чем взгляд ловит знаменитые небоскребы Манхэттена, перед глазами открывается непохожий ни на что пейзаж пригородов острова Лонг-Айленд. Несколько шоссе пересекают остров, а между ними среди зелени, как по линейке, выстроились одно-, полуторо- и двухэтажные домики. Россияне часто путают субурбию со знаменитой «одноэтажной Америкой» мелких и средних городков и фермерских поселков. Однако субурбия – не «одноэтажная Америка», а ее убийца.

Американская субурбия многократно показана Голливудом в разных ракурсах – как идеальное место для жизни и воспитания детей, как гиблое место – в «Революционной дороге», даже как сцена фильма ужасов – в «Амитвильском кошмаре» или «Полтергейсте». Но чаще всего субурбия – это квинтэссенция американской мечты – утопающий в зелени частный домик, несколько престижных машин на подъездной дорожке – драйвэй, хороший джоб и дети в колледже, что обеспечит осуществление их собственной американской мечты.

Как и все «истинно американские» ценности, американская мечта не родилась из недр общества, а была создана усиленной рекламой после окончания Второй мировой войны. Америка вышла из войны с большой выгодой: война позволила преодолеть Великую депрессию, одолевавшую американское общество в течение 15 лет, победить безработицу, остановить экономическую стагнацию и подстегнуть экономический рост. Развернувшиеся во время войны бизнесы вовсе не намеревались сворачиваться в мирное время. И после войны американское общество, путем усиленной рекламы, узнало о многих своих «исконных ценностях»: омлет, молоко и апельсиновый сок по утрам, мороженые «телевизорные обеды» и многое другое. Например, традиционный морковный пирог родился из огромных запасов мороженой моркови, которые больше не нужны были армии. Оттуда же с помощью хитроумного маркетинга пришли яичный порошок для омле-

тов, американский «чудо-хлеб», домик в предместье и «американская мечта».

Собственно, еще в 1930-х годах, когда Великая депрессия всерьез угрожала Америке революцией – то ли красной, то ли коричневой, социальные психологи выдвинули лозунг о том, что домовладельцы не устраивают забастовок. Чтобы остановить рост недовольства, надо было срочно сконструировать средний класс как преграду социальным потрясениям. И он был создан пакетом законов «Нью Дил» Франклина Делано Рузвельта. Главными среди этих законов был «Джи Ай Билл» (официально названный Servicemen's Readjustment Act of 1944) – закон, дававший миллионам «джи-ай» – демобилизованных военных – возможность практически бесплатно получить высшее образование и гарантированный заем на приобретение жилья. Именно этот пакет законов и позволил создать американский средний класс. Да и само понятие «средний класс», употреблявшееся в 1920–1930 годах как уничижительное для выскочек, приобрело позитивный смысл.

Большой бизнес с энтузиазмом бросился осваивать государственные деньги. Подрядчик Вильям Левитт, сын еврейских эмигрантов из России, признанно считается отцом американской субурбии. Левитт не изобрел ни промышленных методов сборки односемейных домов, ни концепции пригородов на расстоянии, доступном для вождения автомобиля. Однако он популяризовал эту идею. Неподалеку от моего дома находится его первый проект, городок, названный в его честь Левиттаун (шт. Нью-Йорк). Левиттауны строились на фермерских землях по всем Соединенным Штатам. Самый крупный Левиттаун находится в Пенсильвании, а самый южный – в Пуэрто-Рико. Деревянные каркасные дома с фанерной облицовкой и небольшим участком тогда продавались по 8–12 тыс. долларов, и месячный взнос составлял всего около 57 долларов, каждому демобилизованному обещивалась 100% ссуда на покупку дома под низкий процент. В начале 50-х в комплект дома стали включать электроприборы – плиту, духовку, холодильник, стиральную машину и сушилку для белья, а в конце

[http://www-executive.ru/community/articles/1545834/](http://www.executive.ru/community/articles/1545834/)

50-х дома уже продавались с телевизором. Модели домов получили имена, как модели машин: «Кап Код», «Ранч», «Колониал», «Викториан». Другие достижения рузвельтовской политики – всеамериканская электрификация и сеть дорог, построенных на государственные деньги, а часто и методом общественных работ. Частный капитал тоже помог: массовая фордовская «Модель Ти» позволила посадить Америку на колеса.

Далеко не все общественные и этнические группы смогли воспользоваться законами: «не входящие в европеоидную расу» остались в стороне от всеобщего благополучия. Старые журналы доносят истории тех дней. «Революция в американских пригородах» – пишет «Харпер мэгэзин» в 1953 году. С удивлением журнал докладывает, что «шаровары и шорты стали здесь повседневной одеждой для мужчин и женщин». Как экзотику журнал описывает неформальные вечеринки-барбекю. Городской центр стремительно терял свое значение в жизни пригородов. Большие коммерческие центры в субурбии сменили универсальные магазины больших городов. Сети быстрого питания вытеснили маленькие семейные рестораны. Субурбия получила возможность удовлетворять почти все нужды в одном месте. Не хватало хорошей системы общественного транспорта, хорошей архитектуры и высокой, качественной культуры – театров, музеев, галерей, ресторанов. Однако это никого не волновало, да и считалось неамериканским, делом «яйцеголовых» интеллигентов, да еще Старой Европы.

Впрочем, уже в 1959 году большой материал в «Харпер» назван «Балканизация субурбии». Здесь, кажется, впервые встречается определение «бегство белых» – уход белого и обеспеченного населения в пригороды. Об этом есть хорошее исследование Розалин Баксдел и Елизабет Ивен «Цветное окно». Здесь же отмечается и феномен создания однородных, замкнутых районов, в которых «не важно, что сосед производит, чем зарабатывает на жизнь, куда важнее, что человек потребляет». В настоящее время около 50 % американцев живут в субурбии и она стала важным фактором американской жизни. Однако если все так хорошо, то почему так плохо?

Центр изучения субурбии находится неподалеку от моего дома, в Университете Хофстра, где я в свободное посещение курсы, помогающие понять американскую жизнь. Центр позиционирует себя как непартийное и независимое исследовательское учреждение, занимающееся объективным изучением проблем субурбии. В Америке множество партийных и идеологических учреждений скрываются под маркой академических институтов (их зовут think-tank). Заверения в беспартийности и объективности не всегда можно принимать на веру. Подозрения усилились, когда мои собеседники заговорили о том, что администрации президента Обамы не стоит вести войну против субурбии, стали перечислять ведущих чиновников, которых объявили «врагами субурбии», и сходу привели примеры, к чему приводит пренебрежение субурбией – победа республиканца Скотта Брауна на выборах в Сенат от Массачусетса с перевесом в 5% (на президентских выборах Барак Обама победил в Массачусетсе с перевесом в 26%). Еще привели длинный список недавних побед над «врагами» субурбии – в Нью-Джерси, в округе Лундон в западной Вирджинии. Даже здесь, рядом, в округе Нассау на Лонг-Айленде (где расположен и университет, и первый Левиттаун) избиратели прокатали демократа Томаса Суози.

Мои собеседники явно говорили политическим языком, а потому можно было получить ничем не замутненный взгляд на проблемы субурбии справа, с кон-

сервативной стороны. Здесь субурбии приписывают ведущую роль в американской политике, а заодно в экономике и культуре. Субурбия – понятие растяжимое, но если взять наиболее широкое понятие, то жителей пригородов в Америке больше, чем жителей городов и деревенской местности вместе взятых. С субурбией здесь связывают рост республиканского большинства в 1996 году, и даже в самые удачные для демократов годы – во времена Билла Клинтона, и позже, в 2006-м и 2008-м, они не смогли завоевать существенного большинства в пригородах.

Политику Вашингтона мои собеседники рассматривают как безразличную, а то и враждебную к пригородам. Ничего – от «выкупа Уолл-Стрит» и «Реформы медицины» – не работает в интересах среднего класса, населяющего субурбию. Более того, предлагаемые меры против глобального потепления грозят удорожить бензин и тем самым сделать невозможной жизнь в пригородах. Обаму обвиняют в том, что его назначения не являются выходцами из «красных» республиканских штатов и пригородов. Более того, президентская команда, занявшая посты в министерствах транспорта, жилищного развития и охраны среды является сторонником городского развития. Да и заявление президента (в феврале 2010-го) о том, что «времена беспорядочного роста в строительстве окончены» здесь воспринимают с тревогой. Не добавляет оптимизма и заявление министра транспорта Роя ЛаГуда о том, что необходимо «оторвать американцев от их машин и приучить к общественному транспорту», привлечь их к городской жизни.

Список «врагов субурбии» включает всех видных представителей президентской администрации – это министр и замминистра жилищного развития Шон Донован и Рон Симс, замминистра транспорта по политическим вопросам Рой Кильниц, замминистра по охране среды Джон Фрис. Сюда же добавляют и таких политиков, как конгрессмен из Миннесоты Джеймс Оберстар, требующий перенаправить доходы от налогов на бензин на поддержку общественного транспорта и развитие железных дорог. Да и восемь миллиардов долларов на строительство и реконструкцию железнодорожного транспорта из президентского стимулирующего пакета сторонники субурбии рассматривают как если не враждебную, то «неамериканскую» тенденцию. Так же скептически там относятся и к инициативам по стимулированию «зеленых» технологий, которые, как предполагается, дадут работу отнюдь не пригородам. Здесь опасаются и разговоров, и неполиткорректных вопросов об экономической и экологической целесообразности жизни в пригородах. И здесь есть прецеденты. Во времена Клинтона нынешний координатор по вопросам климатических изменений Белого дома блокировал фонды для пригородных районов Атланты по той причине, что там не соблюдались экологические законы об охране чистоты воздуха. Теперь к этому прибавились еще и опасения, что субурбии будут душить также через установление квот для выбросов углекислого газа.

Если не хватает проблем в Америке, то мои консервативные собеседники из числа защитников субурбии начинают рассказывать о том, как все плохо в Европе, и как не по-американски, а то и антиамерикански там идут дела. Скажем, в Великобритании размер участка в пригороде составляет всего треть от среднего по Америке. Ужасающая теснота – всего 800 кв. футов (ок. 75 кв. м) – лишает британцев удобства иметь собственный или домашний офис. «Домики хоббитов» – так определил их видный консервативный публицист Джоэль Коткин. «Эти «банки сардин» заставят людей

переселиться в города!.. Будущее поколение, в отличие от их родителей, больше не будет иметь возможности приобрести нормальный односемейный домик с зеленым садиком». Если где и появится такая возможность, то лишь во второстепенных американских городах. Да и то из-за сверхвысокой стоимости строительства городского жилья в Америке большинство молодых семей не смогут осуществить свою «американскую мечту» и будут вынуждены снимать жилье.

«Мы вернемся к положению, существовавшему до Второй мировой войны», – страшит нас популярная журналистка в право-консервативном «Нэйшнал ревью». Пугающий сценарий для консервативных американцев. Ведь недвижимость составляет 54 % стоимости американского финансового рынка, а свыше 60 % населения домовладельцы. Существуют и более точные данные – около 68–72 %. Однако финансовый кризис 2008 года поставил под сомнение способность многих домовладельцев выплачивать свои долги по ипотечным ссудам. Главная волна неплатежеспособности, по мнению экономистов, еще впереди. Если раньше за долги отбирались дома у малоимущих, то на 2013 год прогнозируется пик потерь владения недвижимостью за неуплату долгов у среднего класса.

Так кто же враг обитателей субурбии? Простой ответ – «либералы», по-американски «левые» – отвечают мне защитники субурбии. Здесь крепость консервативной Америки, которую они хотят разрушить. Как и повсюду в Америке, здесь оживилась массовая деятельность недовольных, несогласных и недоверчивых ко всему истеблишменту американцев. Их пафос и лозунг взят из времен Американской революции. Революционные отряды Джорджа Вашингтона шли под флагом с изображением гремучей змеи с надписью: Don't tread on me! («Не наступи на меня!»)

Что держит обитателей субурбии, если столько угроз? Американцы любят жизнь в пригородах, ответили мне просто. Если не просто, то опрос Пью 2008 года показывает, что свыше 50% американцев предпочитают жизнь в пригородах. Опросы Национальной ассоциации строителей домов и вовсе говорят, что 83% американцев просто влюблены в пригородные домики и хотели бы там жить. Ассоциация эта, правда, создана для лоббирования интересов строительных подрядчиков. Так что результаты опросов во многом зависят от того, какие вопросы задают. Однако, несомненно, что многие американцы держаться за свой образ жизни в субурбии. Даже социолог Герберт Ган, видный критик образа жизни в пригородах США 1960-х годов, считавший субурбию «еще одним проявлением безвкусицы поп-культуры», заметил, что «сами обитатели пригородов о том и не подозревают».

Сужу по себе. Я сразу поселился на Лонг-Айленде – в зеленом городке в окружении разнообразных парков и речек, неподалеку от Атлантического океана. Несмотря на многочисленные заявления, что я городской человек и люблю везде ходить пешком, я не спешу переезжать. Я люблю свой садик, свои кусты малины и смородины. Люблю свой маленький, но просторный домик с мастерской и домашним офисом. Удобно, что за покупками не надо ездить далеко, не надо искать стоянки для машины. Я люблю садовую мебель, которую сам смастерил из досок. Люблю посидеть на качалке, повозиться с домашним копчением или жарить мясо на углях. Люблю собирать свежие травы – петрушку, тарагон, кумин, кориандр и дюжину сортов базилика прямо в салат или соус. Люблю возиться в садике, ухаживать за цветами. Люблю ворчать на оленей, которые покушаются на мои пионы. Олени здесь не пришельцы из дикого леса, а неочи-

данно адаптировавшиеся в условиях субурбии животные. Белохвостый лесной олень на самом деле любит опушку леса, открытое пространство, окруженное деревьями, где можно укрыться. Субурбия – это сплошная цепь опушек, и, к недоумению биологов, олень сумел адаптироваться здесь, как и множество других диких животных – енотов, опоссумов, лис... Я их часто встречаю во время предзакатных прогулок к морю. А уж канадские гуси, дикие утки разных видов, бакланы, лебеди, белые и серые цапли – привычная часть нашего ландшафта. Пока есть работа, то все хорошо. Вот когда работы не станет...

В общем, житель субурбии с негодованием будет отрицать «либеральные стереотипы, созданные Голливудом», якобы жители пригородов – отчужденные, изолированные индивидуумы в противовес чувствующим свою принадлежность горожанам. Разумеется, свобода – вынужденная необходимость, и надо соблюдать правила. Меня предупредили, что не принято бросать мусор в урну соседа. Да и соседей я толком увидел уже после нескольких лет жизни в пригороде, когда нас засыпало снегом и все вышло его разгребать. Исследование Калифорнийского университета Ирвинга показывает, что плотность населения не обязательно влияет на социальные контакты и вовлеченность. По их данным, как раз снижение плотности увеличивает количество контактов с соседями и укрепляет чувство принадлежности к месту. Более сомнительна убежденность жителей пригородов в том, что они социально активнее, чем горожане. Так было в 1950–1960 годы, когда большинство женщин в Америке были домохозяйками и имели свободное время для социальной активности. Размывание среднего класса, снижение уровня доходов, отток работы в оффшор да и социальное давление вытолкнуло женщин на рабочий рынок и лишило их той активной роли, которую они играли 40–50 лет назад. Уменьшается и роль другой социально-активной группы – пенсионеров. Многие вырастили детей, и большие дома становятся обузой, а пенсия не позволяет платить высокие налоги в традиционных районах субурбии. Для них были созданы специальные пенсионные субурбии во Флориде и в пустынной Аризоне, названной рекламой «солнечным поясом». Там есть свои особенности, но эти районы наиболее пострадали от финансового кризиса.

Вместе с тем в субурбии развились особые отношения, где люди могут позволить себе общаться лишь с себе подобными. Появился феномен мега-церкви – огромных независимых и очень консервативных церквей, включающих десятки тысяч прихожан (в основном евангелистов и пятидесятников). Такая мега-церковь, по сути, обеспечивает своих прихожан различными услугами – от школы для детей до гимнастического зала, бассейна, кружков самодетельности и даже массажных салонов и магазинов. Такие же общинные центры появились у евреев, мусульман, хиндуистов и бахаев. О замкнутости субурбии свидетельствует простой факт: для того чтобы дети игрались вместе, родители должны договориться, привести и отвести детей. Моя хорошая знакомая даже возит дочь на свидание с мальчиком. Девочка еще не достигла возраста, когда получают права.

Субурбия уже давно не «чисто белая». В 1970 годы 95 % жителей пригородов были белыми. Сегодня около 27 % населения субурбии составляют меньшинства. В 1970 годы лишь одна шестая афроамериканцев жила в субурбии. В 2009 году около 40 % черных американцев живут в пригородах.

Есть целые районы, где доминируют индийцы, паки-

станцы, китайцы, корейцы, израильтяне, арабы. Есть районы компактного проживания сербов, поляков, а в последнее время и русских. Субурбия очень разная в разных районах США. Наша субурбия вокруг Нью-Йорка сильно отличается от юга США или Калифорнии, а тем более от совершенно особого стиля жизни на северо-западе страны – в Орегоне или Кливленде.

Наиболее спорные аспекты – экологические и энергетические. Сторонники и противники субурбии оперируют результатами научных исследований, в которых говорится об экологической пользе или вреде, энергетической эффективности или расточительности жизни в пригородах. Тема эта политически и идеологически напряженная и показывает, что за деньги можно купить экспертное заключение в любой области. Трудно отделаться от мысли, что лоббисты от субурбии больше всего заинтересованы в критике нынешней администрации. Их доводы можно суммировать следующим образом: «Война против субурбии» под флагом экологических и общинных ценностей перевернет сложившийся порядок вещей. Большая плотность населения будет способствовать новой политэкономической ситуации ограничения индивидуализма, частной инициативы и связи в малой общине в пользу больших иерархических и бюрократических форм общественной организации. Джозель Коткин даже грозит нам «новым феодализмом».

Наверное, пришло время дать слово и критикам жизни в американских пригородах. Не так просто найти у нас людей, которые возмущаются осветить темные стороны субурбанистической идиллии. Да этого и не нужно, поскольку написано много книг. «Буржуазный кошмар: субурбия 1870–1930» Роберта М. Фогельсона отражает не только идиллию, но и кошмары ее жителей. За красивыми односемейными домиками, большими травяными лужайками и тенистыми зелеными улицами пригородов скрываются не только надежды, но и страхи жителей – страх перед иным, перед вторжением и их жизнь расовых меньшинств, малоимущих социальных групп, страх перед самим собой, перед рынком и более всего страх перед переменами. Эти страхи перед «нежелательным элементом» и «непрощенной деятельностью» нашли выражение в местных законах и широком спектре запретов в местных правилах. Я и сам удивился, когда узнал, что местный закон регулирует высоту травы на моем участке. Мне позвонили из Отдела соблюдения кодов и правил нашего муниципалитета, вежливая чиновница сообщила, что соседи жалуются, мол, нарушается закон. Я тогда наивно спросил ее, а кому это мешает, и услышал классический ответ: «Вы снижаете цену домов в районе». Фогельсон приводит большой список подобных запретов: от обязательного минимума в цене на дом, ограничения на архитектурный стиль и до явного запрета продавать или сдавать дома членам «нежелательных» расовых, этнических или религиозных групп.

Особенности американской демократии и широкая децентрализация власти делает возможным множество дискриминационных, а то и глупых и неприемлемых локальных законов и установлений. Когда-то Гитлер советовал своим юристам, разрабатывавшим расовое законодательство, брать пример с Америки, особенно с местных законов и законов штатов. Неудивительно, что черные ветераны войны не сумели сполна использовать льготы, предоставляемые «Джи Ай билл». Ведь даже воевавшая с нацизмом американская армия соблюдала расовую сегрегацию. Лишь Трумэн отменил ее в 1948 году. Понадобилось еще двадцать лет борьбы за гражданские права, чтобы начать создавать черный средний класс. Зато сегодня уже кое-где в США

есть чисто черные богатые кварталы. Как-то пришлось гостить в Атланте (Джорджия), где созданный социальной инженерией и «обратной дискриминацией» Акта о гражданских правах 1964 года богатый черный класс уже не хотел допустить в свой район «белый мусор», а тем более снижать успеваемость своих детей за счет контактов с менее успешными белыми соседями.

Однако трущобы подкрадываются к пригородам с другой стороны. Финансовый кризис 2008 года ураганом прошелся по субурбии, оставив огромное количество брошенных или отобранных кредиторами домов по всей стране. А каждый брошенный, конфискованный или проданный за бросовую цену дом ударял по цене недвижимости во всем районе куда сильнее, чем нестриженная трава или появление «нежелательного элемента». Кризис значительно усилил и ускорил процессы, назревавшие десятилетие. В 2005 году резкий подъем цен на жилье в городах уменьшил количество доступного жилья и заставил малоимущих горожан и эмигрантов искать жилье в субурбии. Впервые в истории уровень бедности в пригородах превысил уровень бедности в городах. И эта тенденция продолжается. Эксперт по урбанизации из Университета Юта профессор Артур Нельсон предсказывает, что в 2025 году создастся избыток – 22 млн больших домов (на одной шестой акра, или примерно 700 кв. м и больше). Это все сильнее привлекает в пригороды большое количество семей с низкими доходами, ищущих доступное жилье. Снижение имущественного уровня населения пригородов грозит большими изменениями и социальными проблемами.

«Как общество мы фундаментально провалились в решении проблемы с жильем, – пишет Нельсон. – В субурбии понастроили слишком много и продолжают строить. Большинство политиков не видят последствий, а те, что видят, заняты их опровержением». Нельсон считает, что многие районы американской субурбии вдали от городских центров и линий общественного транспорта приходят в упадок, а средний класс уходит, стареет и нищает. Это будущие американские трущобы, отличающиеся ростом бедности, преступности и прочих социальных болезней. Лечение этих болезней затрудняется как раз теми же свойствами субурбии, которые раньше составляли ее привлекательность, – гомогенность, уединенность и малая плотность населения. «Мы построили слишком много американской мечты, и теперь она преследует нас», – говорит Нельсон.

Миграция малоимущих слоев населения в субурбию имеет мало общего с американской мечтой о буколическом единении. Нельсон и его сторонники утверждают, что причины сугубо экономические. За последние два десятилетия жизнь в центрах больших городов приобрела престиж в глазах молодого, влиятельного и образованного и бездетного класса. Как раз плотность населения, возможность дойти пешком, смешанные кварталы в центре городов переживают джентрификацию, в то время как их прежнее малоимущее население вытесняется в пригороды, мигрирует в поисках дешевых квартир на съем.

Различные исследования показывают, что плотность населения в субурбии выросла в два раза после того, как ее заселили малоимущие. Многие домовладельцы устраивают (часто нелегально) в своих домах, гаражах и подвалах квартиры на съем. В то время как вся инфраструктура субурбии – канализации, электросеть, водоснабжение, социальные службы, охрана общественного порядка, школьная система и т. д. – не готова к такой плотности населения. Среди малоимущего населения значительную часть составляют эмигранты

из Латинской Америки и Ближнего Востока, которые этнически, расово и культурно сильно отличаются от англоговорящих американцев и нарушают идиллическую гомогенность населения.

Усиливает проблему бедности в субурбии и массовые увольнения последнего времени. Соединенные Штаты не отличаются развитой системой социального обеспечения, поэтому даже невысокая по европейским стандартам безработица в 10 % вызывает в американском обществе настоящий кризис. Официально безработица в США достигает 9,6 %, однако статистика учитывает лишь тех, кто получает пособия. Тех, кто отчаялся искать работу, кто работает временно, сезонно, на частичной ставке, – все эти группы официальная американская статистика не учитывает. Принято считать, что реальная безработица в США составляет 16–17 %. Другая многолетняя проблема, способствующая пауперизации субурбии, – аутсорсинг высокооплачиваемых должностей среднего класса в более дешевые штаты, а то и за границу, в Мексику и Китай.

После Второй мировой войны наш Лонг-Айленд был центром американского авиастроения. Здесь проектировали и строили гражданские и боевые самолеты. За последние 10 лет все заводы были переведены отсюда в более дешевые места, а за ними закрылись и штаб-квартиры таких компаний, как «Боинг» и «Грумман», а также тысячи малых и средних бизнесов, работавших на эти компании. Практически исчезла из Лонг-Айленда и электронная промышленность. Сотрудникам пришлось пойти на низкооплачиваемые работы в розничных торговых сетях и ресторанах быстрого питания. Да и здесь намечилось сокращение.

Миграция малообеспеченных слоев населения в субурбию даже получила свое название – демографическая инверсия. Большинство экспертов считает, что она будет продолжаться десятилетиями. «Американцы разочарованы расползающейся субурбией. Они устали за рулем, они поняли бездушные субурбанистического образа жизни, а мы все продолжаем строить и строить новые субурбанистические районы, – утверждает специалист по землепользованию Мичиганского университета профессор Кристофер Лейнбергер. – Как когда-то Голливуд формировал идеал пригородной жизни, так сейчас там намечился поворот». Лейнбергер добавляет: «Сейчас популярность таких фильмов, как «Секс в большом городе» и «Сейфельд», дает верный индикатор вкуса Америки». Лейнбергер (как и Нельсон) первый в консерваторском списке «врагов субурбии». На недавнем лекционном турне в Вашингтоне Лейнбергер горячо доказывал, что субурбия теряет престиж, что американцам надоело часами стоять в пробках, надоело быть рабами своих автомобилей что субурбия ограничивает возможности человеческого общения, препятствует расовой и социоэкономической диверсификации. Он предлагает модель «города, который никогда не спит», урбанистические центры, живущие вокруг часовой стрелки «24/7», где жилье, работа и досуг расположены близко друг от друга.

Пауперизация субурбии беспокоит всех. Все больше районов в субурбии заселяется городской беднотой. Очаги превращения субурбии в трущобы наблюдаются в любом крупном американском городе. Бедным считается район, где не меньше 40 % семей находятся за чертой бедности. Черта бедности в Америке – понятие политическое и составляет около 22 тыс. долларов на семью из четырех человек. Черта бедности установлена еще в либеральные 1960-е годы «Великого общества» президента Линдона Джонсона. Она не учитывает ни 50 лет инфляции, ни резкого падения покупа-

тельной способности доллара, которое не находит выражения в официальных индексах инфляции Федерального резерва. Социологи пользуются другим показателем – «индексом выживаемости», который куда выше и зависит от района проживания. Администрация Обамы согласилась принять данные социологов для планирования, но государственная помощь продолжает рассчитываться по нормам 1960-х годов. Любая попытка пересмотреть эти нормы наталкивается на ожесточенную оппозицию либертарианских, консервативных и «дружественных бизнесу» кругов. Среди государственных мер по борьбе с бедностью было распространение «8-й программы», позволяющей получателям государственного пособия снимать жилье по всей стране.

Считается, что более диверсифицированный район сумеет справиться с проблемами бедности легче, чем там, где эта бедность концентрируется. Да и ликвидация трущобных пригородов ведет к джентрификации и повышению стоимости жилья. Однако все выгоды теряются, если слишком много малообеспеченных семей переселяется в такой район. Проживание в бедном районе не побуждает людей искать выхода из бедности. Джордж Галстер, профессор градостроительства в Университете Уэйн отмечает, что если количество бедных в квартале или городке превышает 15–20 %, то «открывается ад, и все беды приходят вместе – повышается уровень преступности, доля выбывших из школ, подростковая беременность, наркомания; зато падает цена на жилье в районе».

Галстер опубликовал рабочий документ для Национального центра бедности под названием «Последствия перераспределения городской бедности в 1990-е». Он предупреждает, что политика последнего десятилетия по ликвидации центров бедности оборачиваются нежелательными последствиями. Если количество американцев, живущих в самых бедных кварталах, существенно уменьшилось (примерно на 25 %), то бедность повсюду увеличивается. И это еще один фактор превращения субурбии в трущобы. Наплыв малообеспеченных жителей еще больше снижает цены на жилье. Это заставляет уходить из района людей среднего достатка, для которых дом часто основная инвестиция и залог обеспеченной старости. И это в свою очередь способствует дальнейшему обесцениванию недвижимости в районе.

Недавно я был по делам в Майами (Флорида) и наблюдал, как финансовый кризис усилил все эти тенденции. Штат находится на грани банкротства, поскольку основные налоги там получали от интенсивного строительства в субурбии для пенсионеров со всей Америки. Грянул кризис. Домов оказалось куда больше, чем покупателей. Да еще на рынке появилось множество домов, потерянных из-за неспособности платить ипотечные ссуды. Такая ситуация позволила малообеспеченным семьям найти доступную ренту, что в свою очередь резко снизило рейтинги субурбанистических пригородов на западе и юге города. Аналогичную ситуацию я наблюдал и в Денвере (Колорадо). Пока нет надежных данных общенациональной статистики, однако, согласно СМИ, криминальная ситуация обострилась именно в пригородах. Последний отчет комиссионера полиции города Нью-Йорк: преступность там неуклонно падает, в то время как в пригородах она растет. В последние 10 лет появились невиданные прежде на Лонг-Айленде подростковые и этнические банды, которые раньше наблюдались больше в городских центрах. Сообщения об активности банд приходят из городков, где до этого они были немыслимы. Проблема усугубляется огром-

< В середине XX века пригороды выглядели весьма привлекательно. Для большинства представителей среднего класса домик в пригороде становился прямым воплощением «американской мечты».

Рекламный плакат 1950-х годов

ной нелегальной эмиграцией, в основном из Латинской Америки.

Было бы упрощением, сводить проблему пауперизации субурбии лишь к миграции малообеспеченных слоев. В последние 30 лет установления и укрепления свободнорыночной модели корпоративного капитализма наблюдается размывание и обнищание среднего класса, резкое падение благосостояния «средних американцев». Субурбия страдает не только от нашествия «нежелательного элемента», но и изнутри. Экономическая ситуация толкает средний класс вниз по экономической лестнице. По данным Налогового управления IRS (2008), доходы большинства американцев уменьшились на 16 %, в то время как доходы 1% сверхбогатого класса увеличились на тысячи процентов. Хуже того, впервые в истории Америки молодое поколение (рожденные в 1970–1980-х) зарабатывает реально меньше своих родителей – поколения 1940–1950-х. При этом основные расходы американской семьи – на жилье, автомобиль, образование, здравоохранение и еду – резко возросли. Да и главный залог американской мечты – хорошее образование – становится все менее доступным и больше не дает гарантии обеспеченного будущего. Выпускник выходит из университета с шестизначными долгами, а рынок труда уменьшается за счет оттока работы в оффшор.

Галсер, с одной стороны, рекомендует законодательные меры по ограничению притока малообеспеченных семей по «8-й программе», а с другой – предлагает обязать планировщиков предусмотреть в любом новом районе определенный процент единиц доступного жилья, чтобы обеспечить диверсификацию. Трудно сказать, насколько такие меры окажутся действенными в бурной американской политической реальности. Нельсон предсказывает, что избыточное строительство в субурбии в ближайшие десятилетия и рост «субурбанизации бедности» требуют немедленных и жестких действий. Ведь большинство домов, которые переполнят рынок в 2025 году, пока еще не построено. Планировщики должны тщательно рассчитать потребность в жилье на несколько поколений. И

тогда выяснится, что огромная индустрия жилищного строительства настойчиво сбывает людям вовсе не то, что они хотят. Явление типичное практически во всех отраслях бизнеса – от общественного питания до национальной обороны.

Лейнбергер идет дальше. Он советует признать, что 50-летний эксперимент «субурбия» провалился: «Изменяющаяся карта американской бедности – это еще одно напоминание о том, что нынешние тенденции в градостроении ведут к провалам в ближайшие годы и грозят последствиями, которых пока никто еще не способен представить».

Я обдумывал этот материал, проезжая вдоль аккуратных, утопающих в зелени домиков нашего городка. Глаз отмечает все больше и больше вывесок: «Продается». В этом нет ничего необычного. Тревожно то, что эти объявления висят все дольше и дольше. Недавно узнал, что на соседней улице молодая семья, вроде хорошо устроенная и работавшая в финансовой индустрии, просто бросила свой новый дом. Не могли платить и отослали ключи банку. Раньше это считалось позором, но теперь – чего стесняться. Ведь и банки в последнем кризисе повели себя не лучшим образом. Я вспоминаю 2007 год, когда цены на бензин подскочили так, что многие засомневались в американском принципе, что автомобиль не просто средство передвижения, но и средство выражения свободы личности. Не так уж весело сидеть за рулем по три-четыре часа в день, наполнять бак за 100 долларов и при этом воображать себя свободным. Несомненно, что субурбия когда-нибудь закончится, поскольку для широких масс этот образ жизни становится несостоятельным экономически, энергетически и экологически. В Америке горько шутят: «Не чини, пока не сломается». Резких мер следует ожидать лишь после очень серьезного кризиса. Да и на их воплощение, учитывая особенности американской демократии, уйдут десятилетия. Эксперты считают, что если цена за бензин достигнет 5 долларов за галлон, то весь американский образ жизни изменится. Сторонники и критики субурбии сходятся в главном: она далеко не для всех.